

18+

Айская

Мажор.
Это фиаско, братан!

Айская

Мажор. Это фиаско, братан!

«Издательские решения»

Айская

Мажор. Это фиаско, братан! / Айская — «Издательские решения»,

Матвей привык, что девушки падают к его ногам. Настя привыкла ставить на место тех, кто зазнался. Их первая встреча — вспышка раздражения. Вторая — искра чего-то большего. Третья... может изменить всё. Богатство против принципов, высокомерие против гордости, насмешки против презрения — но что, если противостояние перерастёт в нечто большее? И кто первым скажет: «Это фиаско, братан!»? Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	21
Глава 6	24
Глава 7	27
Глава 8	31
Глава 9	33
Глава 10	37
Глава 11	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Мажор Это фиаско, братан!

Айская

© Айская, 2026

ISBN 978-5-0070-3671-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В книге присутствует: Спор на девушку. Любовь с первой ненависти. Мажоры и мажорки. Драки. Употребление алкоголя и табачных изделий.

Пролог

Клуб «Versace» задыхался от басов, запаха селективного парфюма и высокомерия. Я лениво крутил в руке бокал с «Кристаллом», лед в котором стоил дороже, чем обед в студенческой столовке, куда ходила она.

— Котовский, ты сегодня какой-то тухлый, — Стас пригубил свой виски и кивнул в сторону танцпола. — Глянь, новенькие пришли. Та, что в красном, глаз с тебя не сводит. Дать знак, чтобы подошла?

Я даже не повернул головы.

— Скучно, Стас. Очередная «кукла» с накачанными губами и мечтой о моей кредитке. Давай что-нибудь поинтереснее.

— Поинтереснее? — Марк, сидевший напротив, хитро прищурился. — А как тебе твоя новая... «сестрёнка»? Настя? Твой отец в восторге от её мамы, говорят, свадьба не за горами.

Я поморщился. Слово «сестренка» резало слух, как скрежет металла по стеклу.

— Она мне не сестра, Марк. Просто дочка женщины, с которой мой отец решил поиграть в «счастливую семью». Временное недоразумение.

— Недоразумение с очень дерзким прицелом, — заржал Марк. — Котовский, великий и ужасный Матвей, получил от ворот поворот от девчонки в кедах из масс-маркета. Это исторический момент!

Я почувствовал, как внутри закипает глухое раздражение. Перед глазами тут же всплыл взгляд Насти — колючий, прямой, без капли того обожания, к которому я привык. Она смотрела на меня не как на принца МГИМО, а как на досадную помеху на ее пути к тренажерному залу.

— Она просто строит из себя недотрогу, — процедил я, глядя на то, как отражается свет софитов в янтаре виски. — Обычная провинциальная тактика: набить себе цену, чтобы потом подороже продаться. Думает, если будет огрызаться, я за ней побегу.

— А по-моему, ты ей просто противен, Матвей, — вбросил Марк, проверяя меня на слабо. — У девчонки есть характер. Это тебе не модели из инсты. Спорим, ты её не обломаешь? Даже за месяц.

В воздухе повисло напряжение. Друзья замерли, ожидая моей реакции. Это был вызов. Глупый, детский, но бьющий точно в моё эго.

— Месяц? — я криво усмехнулся и выставил на стол ключи от машины. — Даю две недели. Через две недели эта «колючка» будет смотреть на меня влюблёнными глазами и сама запрыгнет в мою постель.

Марк и Стас переглянулись.

— Усложним задачу, для Котовского? — Стас заговорчески подмигнул Марку и тот ехидно кивнул. — Нам будут нужны видеодоказательства, чисто для своих, как ты с ней кувыр-каешься в постели.

— Или ты боишься, что Настенька тебе не по зубам? Она ведь не из тех, кто ведётся на папины карточки. — добавил Марк.

Я протянул руку, скрепляя спор.

— Идёт, — усмехнулся, чувствуя, как внутри просыпается охотник. — Будет вам видео. Я заставлю эту провинциалку смотреть на меня так же, как все остальные.

Я припарковал свой «Порше» прямо у входа в клуб демонстративно игнорируя знак «Стоянка запрещена». Дорогу мне преградила тень.

— Красивая тачка, Котик, — раздался голос, от которого у меня внутри всё непроизвольно напряглось. — Будет жаль, если через четырнадцать дней ключи перейдут к Марку.

Я медленно обернулся на голос. Ну естественно, Элина Волкова. Очередная пиявка, которая ко мне присосалась, после не долгосрочных отношений. Мы не общались с прошлого лета, с тех пор Волкова искала любой повод, чтобы прилипнуть ко мне опять.

— Волкова. И ты здесь? Я думал, тебя отчислили за враньё, — я придал лицу выражение скучающего превосходства. — И откуда такая осведомлённость о моих делах? Подслушиваешь в туалетах «Versace»?

— Твои друзья слишком громко ржут, когда выпьют лишнего, — она подошла ближе, её глаза, холодные и расчётливые, не предвещали ничего хорошего. — Спор на Настю Макаркину? На «сводную сестрицу», когда родители не сегодня завтра узаконят отношения? Серьёзно, Матвей? Это даже для тебя низковато.

— Тебя это не касается. Иди читай учебники, может поумнеешь, Волкова.

Я попытался пройти мимо, но Волкова похлопала меня по плечу — этот жест взбесил меня еще больше.

— Знаешь, в чём твоя проблема? Ты думаешь, что мир — это магазин, где на всём висит ценник. Но Настя... она другая. Она не просто не купится на твои дешёвые трюки, она размажет твою репутацию, когда узнает правду.

— И кто же ей расскажет? Ты, краля универа, у которой в голове силикон, вместо мозгов? — я прищурился.

— Зачем так грубо? — Волкова хищно улыбнулась. — Я просто буду рядом. Возможно притворюсь той самой «хорошей подругой», которая утешит её, когда ты облажаешься. А когда придёт время... я подарю ей правду о твоём маленьком пари, если ты сам всё не испортишь. Как думаешь, насколько сильно она захочет сломать тебе нос, когда поймёт, что была для тебя просто ставкой в пьяном споре?

Глава 1

Настя.

В воздухе нашей маленькой кухни витал запах маминых любимых духов и моей безнадёги. Повсюду стояли полупустые коробки, обмотанные скотчем — немые свидетели того, что наша прошлая жизнь официально упакована и готова к отправке в утиль.

— Настя, ну посмотри на это с другой стороны! — мама восторженно собирала вещи. — Борис Игоревич — хороший человек. Он помог тебе поступить в лучший вуз. Он... он не такой, как твой отец, Настя. Он надёжный. У него стабильность, Настя. У него уважение.

Я с силой затянула узел на мешке со своими вещами, едва не порвав пластик.

— «Уважение» — это просто другое слово для «у него больше денег», мам, — резко обернулась. — Сначала они «золотые», а потом пропивают последнюю заначку или начинают диктовать, как тебе дышать. Папа тоже клялся, что мы будем жить как короли, помнишь? А в итоге я в двенадцать лет училась прятать хлеб, чтобы он его не обменял на бутылку. Ты выгребала его долги! — я налила себе стакан холодной воды из под крана и залпом опустошила. — Все мужики одинаковые. Просто у одного перегар, а у другого — дорогой одеколон.

— Хватит! — мама всплеснула руками. — И, пожалуйста... я очень тебя прошу. Завяжи-вай с этим своим боксом. Это некрасиво, Настя. Синяки на костяшках, вечно разбитые губы. — мама обхватила моё побитое лицо. — Бокс — это не женственно. В Москве ты начнешь новую жизнь. Никаких подвальных залов и драк. Ты пойдешь в престижный вуз, там другие люди, другие правила. Борис сказал, что его сын, Матвей, поможет тебе освоиться...

Я почувствовала, как внутри всё сжалось от ярости. Женственность? Жизнь в золотой клетке под присмотром маминого «благодетеля» и его пафосного сынка Матвея, о котором мама прожужжала мне все уши? Видела его лишь на фото — холеный, самоуверенный, с таким выражением лица, будто он лично изобрел кислород. Типичный мажор, который ни разу в жизни не держал в руках ничего тяжелее пачки купюр.

— Моя «женственность» закончилась там, где мне пришлось впервые ударить соседа, чтобы он перестал ломиться к нам в дверь, — отрезала я, хватая спортивную сумку. — Я на тренировку.

— Настя! Не задерживайся! Нам еще чемоданы дособирать надо! Завтра в семь утра самолёт. — крикнула она вслед, но я уже вылетела в подъезд, хлопая дверью.

Зал «Ударник» встретил меня привычным запахом старой кожи, пота и магнезии. Это было единственное место, где я чувствовала себя настоящей. Где я не была «дочкой алкоголика» или «бедной родственницей богатого отчима». Здесь я была просто Макаркина. У которой есть удар. Но сегодня даже мешок казался мне врагом.

Раз-два, уклон. Раз-два...

Я работала по груше, но удары выходили смазанными. Перед глазами стояло лицо Бориса с его покровительственной улыбкой и фотографии его сына — Матвея Котовского. Холеный мажор в дизайнерском пиджачке, который смотрит на мир так, будто он его купил на карманные деньги. Ненавижу. Ненавижу пафос, не настоящие улыбки и парней, которые думают, что их фамилия дает им право на всё.

— Макаркина, ты сегодня мешок гладишь или тренируешься? — хриплый голос Степаныча разрезал тишину зала.

Тренер, мужчина в годах с перебитым носом и глазами, видящими слишком много, подошел ко мне, вытирая руки полотенцем.

— Не получается, Степаныч, — я сорвала перчатки, чувствуя, как горят щеки. — Завтра переезд. В Москву. Мама хочет, чтобы я стала «леди». А я... я просто хочу на чемпионат мира.

Степаныч долго молчал, глядя на мои дрожащие руки.

— Москва — это город возможностей, Настя. И не только для тех, кто ездит на крутых тачках. Если ты думаешь, что там только мажоры в костюмах, ты ошибаешься.

Он залез в карман своих потертых штанов и вытащил клочок бумаги, на котором корявым почерком был написан адрес и имя.

— В Москве есть клуб «Black Box». Закрытое место, не для тех, кто хочет пофоткаться в перчатках. Его держит мой старый знакомый — Виктор Стахов.

Я замерла, едва дыша.

— Стахов? Тот самый... «Танк» Стахов? Бывший чемпион мира в полутяжелом весе?

— Он самый, — тренер усмехнулся. — Я ему позвонил. Сказал, что к нему едет девчонка с ударом тяжеловеса и характером цепного пса. Если не забросишь тренировки, если выдержишь его школу — через год будешь на отборочных. Это твой шанс, Настя. Используй Москву, а не дай ей использовать тебя.

На моём лице засветилась улыбка и впервые за неделю страх перед переездом изменился жгучим, азартным предвкушением.

— И помни, ты — кремень, Макаркина. У тебя есть то, чего нет у этих «золотых деток» — злость и мечта. — Степаныч по-отцовски меня обнял, а после подмигнув, начал подталкивать меня к выходу. — Покажи этой Москве, как бьют девчонки из провинции.

На следующей день самолёт нас доставил в Москву. Мама прилипла к окну автомобиля еще на въезде в поселок. Её пальцы, судорожно сжимающие сумочку, подрагивали. Я же чувствовала только нарастающую тошноту. Чем дороже становились дома за окном, тем сильнее мне хотелось выпрыгнуть из машины и бежать пешком обратно, в наш пропахший сыростью и честностью подъезд. Белоснежный внедорожник Бориса плавно затормозил у ворот, которые больше напоминали въезд в секретный бункер, чем в жилой дом. Новый пока ещё гражданский муж мамы, уже ждал нас на крыльце — сияющий, в безупречном кашемировом джемпере.

— Приехали, — вздохнула мама, поправляя волосы. Её глаза сияли так, будто она наконец-то попала в рай, а не в логово к чужим людям.

Пока водитель доставал остальные наши вещи, я сама вытащила из багажника свой старый, местами потертый баул с боксерской экипировкой и рюкзак. Борис Игоревич стоял рядом с парнем, которого я сразу узнала по фото. Матвей. Он прислонился к колонне, скрестив руки на груди, и лениво листал что-то в телефоне. На нем была футболка, которая, спорю на что угодно, стоила больше, чем весь наш гардероб вместе взятый.

— А вот и наши дамы! — Борис просиял, обнимая маму. — Матвей, отлипни уже от своего телефона, познакомься, это Настя.

Матвей медленно поднял голову. Его взгляд, холодный и оценивающий, прошелся по мне, как сканер на таможне.

— О, — протянул он, и голос его был похож на шелк, в который завернули лезвие. — Так вот она какая, наша новая... родственница.

— Матвей, помоги Насте с вещами. — быстро вставил Борис, чувствуя повисшее в воздухе напряжение.

Мой «сводный» братец лениво перевел взгляд на мой облезлый баул. Он задержался на моем рюкзаке с эмблемой «Ударника», из которого торчал край пожелтевшего от времени бинта.

— Боюсь, я не обучен таскать мешки с картошкой, отец, — бросил он, не сводя с меня глаз. — Пап, ты уверен, что это вещи? — усмехнулся, и в этом звуке было столько яда, что хватило бы на целую стаю кобр. — Я думал, это гуманитарная помощь, которую забыли выкинуть по дороге.

Он подошел ближе, брезгливо кончиком пальца задел замок моей спортивной сумки:

— Серьезно? Этот хлам будет стоять в нашем доме? От него пахнет... как бы это помягче... старым спортзалом и безнадегой. Настя, да? Слушай, у нас за углом есть мусорные контейнеры, они очень технологичные, сами прессуют мусор. Могу показать дорогу, тебе там будет привычнее.

Мама нерво охнула, а Борис нахмурился, собираясь что-то сказать. Но я не дала ему шанса. Я сделала шаг вперед, входя в личное пространство Матвея. Он был выше, намного выше, но на ринге меня учили не бояться габаритов. Я почувствовала запах его дорогого парфюма — цитрус и что-то древесное. Запах денег.

— Послушай меня, «золотой мальчик», — я произнесла это тихо, но так отчетливо, что Матвей перестал улыбаться. — В этом «хламе» лежат вещи, которые стоят больше, чем вся твоя жизнь. Потому что они заработаны потом и кровью, а не выпрошены у папочки на завтрак.

Я резко вырвала сумку из-под его руки, и он непроизвольно отшатнулся.

— Не утруждайся, «братец», — я отступила сделав шаг назад, глядя на него снизу вверх, но так, будто он был пустым местом. — Я сама справлюсь. У меня руки не из золота, в отличие от некоторых. Не сломаются.

Матвей прищурился. В его глазах на мгновение вспыхнул опасный огонек — азарт хищника, который увидел добычу, решившую огрызнуться.

— Характер? В этом доме характер — вещь лишняя, Настя. Здесь ценятся послушание и... чистоту. Постарайся ничего не испачкать своими ботинками. Они выглядят так, будто в них прошли через все помойки страны.

— Матвей! — злобно сквозь зубы, прикрикнул Борис.

— Если тебе не нравится запах моего зала, — я смерила этого «мажорного» убийственным взглядом с ног до головы, не обращая внимания на маму и Бориса. — то привыкай дышать через рот. — мои пальцы уже сжались в кулак, ещё чуть-чуть и я бы ему всекла. — И если ты еще раз коснешься моих вещей своими холеными пальчиками, я научу тебя, как правильно накладывать гипс. Поверь, в этом я эксперт.

Матвей замер. В его глазах отразилось искреннее изумление, смешанное с яростью. Никто и никогда видимо не разговаривал с ним в таком тоне в его собственном доме.

— Ты... — он начал было, но я уже закинула сумку на плечо.

— Борис Игоревич, где моя комната? — я повернулась к будущему отчиму, игнорируя его сына, как надоедливое насекомое. — Хочу поскорее убрать свой «хлам» с глаз долой этого нежного цветочка, а то он еще в обморок упадет от запаха реальности.

— Настя, проходи, — Борис Игоревич улыбнулся мне, но его недовольный взгляд быстро скользнул в сторону Матвея. — Твоя комната на втором этаже, окна выходят в сад. Надеюсь, тебе понравится.

«Добро пожаловать в ад, Настя, — подумала, проходя внутрь дома. Я буквально кожей чувствовала его взгляд, прожигающий мою спину, — И этот ад носит фамилию Котовский».

Глава 2

Настя.

Я проснулась не от будильника, а от пугающей, стерильной тишины роскошного особняка. В моем родном городе утро всегда начиналось с криков соседей, грохота мусоровоза или маминного бодрого: «Настя, каша на столе!». Здесь же воздух казался застывшим, как в музее.

Я бросила взгляд на часы и похолодела. 08:20.

— Блин! — вылетело из моего рта.

Первая лекция в «Золотом вузе» начиналась в девять. Борис вчера четко сказал: «Матвей отвезет тебя, вам всё равно по пути».

— Вот же ты гад, Котовский!

Я подскочила, за пять минут влезла в черные джинсы и худи — мой неизменный «бронжилет» против этого пафосного мира. Быстро перетянула волосы в тугий хвост, схватила рюкзак и вылетела из комнаты. Костяшки пальцев всё еще ныли после вчерашнего, но это была приятная боль, напоминавшая, кто я такая на самом деле.

Спустившись на первый этаж, я застала идиллическую картину. Матвей сидел в залитой солнцем столовой, неспешно потягивая кофе. Перед ним лежала тарелка с какими-то затейливыми тостами и авокадо. Он выглядел так, будто у него впереди вечность, а не учебный день.

— О, спящая красавица соизволила спуститься, — он даже не поднял головы от экрана своего телефона. — Правда, «красавица» — это сильное преувеличение. Скорее, «спящий гопник».

— Ты почему меня не разбудил? — я подошла к столу, едва сдерживаясь, чтобы не перевернуть его завтрак. — твой отец сказал, что мы выезжаем в восемь.

Матвей лениво перевел на меня взгляд. В его глазах плясали бесячие смешинки.

— Ой, прости. Моя память работает избирательно: я запоминаю только важные вещи. Твое существование в этот список пока не входит. Я подумал, что ты решила прогулять первый день, чтобы подольше пообниматься со своим баулом. Знаешь, у нас в универе не любят опоздавших. Особенно тех, кто выглядит так, будто только что сбежал с разборок за гаражами.

— Где Борис и мама? — я проигнорировала его выпад.

— Куда-то уехали в семь утра. Так что ты во власти моей «забывчивости». — Он картинно посмотрел на свои часы — разумеется, «Ролекс», что же еще. — Упс. Половина девятого. Навигатор говорит, что ехать сорок минут. Кажется, кто-то сегодня получит первый прогул в личном деле. А папа так надеялся на твою дисциплину...

Он хотел увидеть мою слабость, мою зависимость от его милости.

Но он плохо меня знал.

Я медленно выдохнула, подавляя желание применить на практике «двоечку» в его идеальную челюсть. Вместо этого я криво усмехнулась.

— Знаешь, Котовский, в моем мире если ты опаздываешь на автобус, ты бежишь за ним. А если автобуса нет — ты находишь другой путь.

Я достала телефон и быстро набрала номер, который сохранила вчера перед сном.

— Алло, такси? Мне машину к воротам поселка «Золотые пруды». Срочно. Двойной тариф за скорость. Да, через пять минут буду у шлагбаума.

Я повернулась к Матвею, который застыл с чашкой в руке. Его идеальный план «унижения опозданием» трещал по швам.

— Ты серьезно? — он фыркнул. — Таксисты из города сюда едут по сорок минут. Ты не успеешь.

— Посмотрим, — я закинула рюкзак на плечо. — И еще кое-что. Вчера ты сказал, что твои вещи пахнут успехом, а мои — залом. Так вот, от тебя пахнет трусостью, Матвей. Ты так

боишься, что какая-то девчонка из провинции окажется круче тебя, что пытаешься подставить её в первый же день. Жалкое зрелище.

Я развернулась и пошла к выходу, чеканя шаг.

— Эй! Макаркина! — крикнул он мне вслед, и в его голосе впервые прорезались нотки раздражения вместо привычного высокомерия. — Ты хоть знаешь, где находится корпус? Тебя охрана на порог не пустит в этих обносках!

Я не обернулась. А уже бежала по гравийной дорожке к воротам, чувствуя, как в крови закипает адреналин.

У массивных кованых ворот, нервно постукивала кедом по гравию. Приложение такси издевательски мигало надписью: «Поиск машины... Время ожидания увеличено». В этом элитном гетто для сверхбогатых обычные водители, видимо, боялись даже дышать в сторону заборов, не то что заезжать за шлагбаум. 08:42.

— Да ты издеваешься что ли! — выплеснула такая на экран телефона. — Работай давай!

До начала лекции восемнадцать минут. Если я опоздаю в первый же день, Борис разочарованно вздохнет, мама расплачется, а этот индюк Матвей будет сиять, как начищенный таз.

Сзади раздался приглушенный рык мощного мотора. Я не оборачивалась, кожей чувствуя, как ко мне приближается пафос на четырех колесах. Ослепительно черный спортивный «Порше» плавно притормозил рядом. Стекло медленно опустилось, являя миру самодовольную физиономию Котовского.

— Ну что, как там твой «двойной тариф»? — он вальяжно откинулся на кожаное сиденье, не снимая солнечных очков. — Судя по твоему лицу, таксист решил, что его карма не вынесет поездки в этот район.

Я стиснула зубы так, что челюсть заныла.

— Обойдусь. Пешком дойду до трассы.

— Семь километров? В этих кроссовках? — он коротко хохотнул. — Ты придешь аккуратно к обеду. Профессор Громов обожает таких амбициозных туристок. Сразу ставит «неуд» в карму.

Он чуть прибавил газу, заставляя машину дернуться вперед, будто собирался уехать.

— Ладно! — выкрикнула я, ненавидя себя в этот момент. — Сколько?

— Что «сколько»? — он притворно удивился, поправляя зеркало заднего вида.

— Сколько ты хочешь за то, чтобы довезти меня? Денег у меня нет, а твою машину я мыть не буду — побрезгую прикасаться к чужому пафосу.

Матвей заглушил мотор. Наступила тишина, в которой я слышала только собственное бешеное сердцебиение. Он снял очки и посмотрел на меня — серьезно, без тени привычной усмешки.

— Деньги мне не нужны, Настя. У меня их столько, что я могу купить твой «Ударник» вместе с потрохами и сделать там склад для старых шин.

Я сжала кулаки.

— Тогда что?

— Сделка, — он постучал пальцами по рулю. — Я довезу тебя вовремя. Прямо к главному входу, чтобы все видели, с кем ты приехала. А взамен... ты всю эту неделю будешь делать то, что я скажу. Никаких огрызаний при моих друзьях. Ты будешь играть роль приличной, тихой «сестренки», которая знает свое место.

— Ты хочешь сделать из меня свою тень? — я горько усмехнулась. — Чтобы я молча кивала, пока ты и твои мажоры-дружки будут обливать меня грязью?

— Я хочу, чтобы ты не портила мне репутацию своим присутствием, — отрезал он. — Либо ты садишься и на неделю становишься «нормальной», либо стой здесь и жди свое мифическое такси. Пять секунд, Макаркина. Пять... четыре...

Я посмотрела на телефон. 08:45.

Это был проигрыш. Первый раунд остался за ним, и он это знал. Но если я не попаду в университет, я не смогу найти «Black Vox». Я не смогу вырваться из этого золотого ада.

Я рывком открыла тяжелую дверь и буквально рухнула на пассажирское сиденье, которое пахло новой кожей и высокомерием.

— Поехали, — выплюнула я, стараясь не смотреть в его сторону. — Но учти, Котовский: неделя закончится. И когда это случится, молчать на твой пафос я не собираюсь.

Матвей лишь криво усмехнулся и нажал на газ. Машина сорвалась с места, вжимая меня в кресло.

— Пристегнись, «сестренка», — бросил он, лихо закладывая поворот. — Добро пожаловать в высшую лигу. Постарайся, чтобы тебя не стошнило от скорости.

Мы летели по шоссе, и я видела, как он то и дело бросает на меня быстрые, приторные взгляды.

Глава 3

Настя...

Черный «Порше» влетел на территорию университета так, будто правила дорожного движения были написаны для простых смертных, но не для Матвея Котовского. Охранники у шлагбаума лишь подобострастно кивнули, даже не взглянув на пропуска.

Машина затормозила с резким визгом шин прямо перед парадной лестницей главного корпуса. Здесь, на широкой площади, вымощенной гранитом, уже собралась «элита» — стайка парней и девушек, которые выглядели так, будто сошли с обложки журнала о жизни миллиардеров.

— Приехали, — Матвей заглушил мотор и небрежно бросил ключи на панель. — Помни о нашем уговоре. Ты — тихая мышка. Улыбайся и молчи.

Я почувствовала, как ладони вспотели. В «Ударнике» я выходила на ринг против парней, которые были вдвое больше меня, и мне не было так страшно. Там всё было честно: удар — блок, боль — победа. Здесь же оружием были шепот, взгляды и социальный статус.

— Я не умею улыбаться по команде, Котовский, — процедила я, хватаясь за ручку двери. — Но я постараюсь не испортить твой идеальный фасад. Пока что.

Матвей вышел первым. Его появление вызвало мгновенную реакцию: разговоры стихли, головы повернулись в его сторону. Он обошел машину и, к моему ужасу, открыл дверь с моей стороны. Это не было жестом джентльмена — это была демонстрация собственности.

Я вышла.

В этот момент время будто замедлилось. Десятки глаз впились в меня. Мои старые черные джинсы, растянутое худи и потрёпанный рюкзак на фоне сверкающего «Порше» выглядели как системная ошибка.

— Ого, Матвей! — выкрикнул высокий блондин в дизайнерском поло, отделяясь от толпы. — Ты что, начал подрабатывать в социальной службе? Или это новая акция «Подвези сиротку»?

— Здравова, Стас, — ответил Котовский, не обращая внимания на его колкость.

Вокруг раздался издевательский смех. Девушки в туфлях на шпильках прикрывали рты ладонями, оглядывая меня с головы до ног с нескрываемой брезгливостью.

— Знакомьтесь, — голос Матвея звучал ровно и властно. Он положил руку мне на плечо, и я едва сдержалась, чтобы не провести захват и не впечатать его лицом в капот. — Это Настя. Дочь новой... избранницы моего отца. Теперь она будет учиться с нами.

— Она что, реально в этом пришла? — прошипела одна из девиц с ярко-красными губами, поправляя идеальную укладку. — Тут же дресс-код, а не кастинг на роль беспризорницы.

— Волкова, главное ты у нас блестишь как звезда, — коротко кинул «братец», в сторону девицы.

Я чувствовала, как внутри закипает лава. Костяшки пальцев в карманах худи сжались до белизны.

«Тихая мышка. Улыбайся и молчи», — билось в голове предупреждение Матвея.

Матвей наклонился к моему уху, так близко, что я почувствовала жар его дыхания.

— Терпи, Настя. Это только первый раунд. Если сорвешься сейчас — проиграешь всё.

Он приобнял меня за плечи, ведя сквозь расступающуюся толпу. Шепотки летели в спину, как отравленные стрелы:

«Откуда она?», «Видела её кроссовки?», «Бедный Матвей, теперь ему придется таскать это за собой».

Я шла с высоко поднятой головой, глядя прямо перед собой. Они думали, что их слова ранят меня. Они не знали, что после десяти раундов спарринга и жизни с отцом-алкоголиком их ядовитые комментарии — это просто шум ветра.

Но когда мы поравнялись с тем самым блондином, он нарочно выставил ногу, пытаясь поставить мне подножку.

Рефлекс сработал быстрее, чем я успела подумать о сделке. Я не упала. Я просто перешагнула, слегка задев его голень своим тяжелым кедом — ровно настолько, чтобы он поморщился от боли, но никто ничего не заметил.

— Осторожнее, — бросила я, мельком взглянув на него. — У тебя такие дорогие туфли, жалко будет, если я их случайно испорчу.

Матвей сильнее сжал мое плечо, ускоряя шаг. Мы вошли в прохладный холл университета, и только там он отпустил меня, резко развернув к себе.

— Ты что творишь? — прошипел он, и в его глазах вспыхнул опасный огонь. — Я сказал: не отвечивать!

— Я просто забочусь о его обуви, — я дерзко вскинула подбородок. — Неделя только началась, Котовский. Надеюсь, у тебя крепкие нервы.

Аудитория номер 402 напоминала амфитеатр. Сверкающие лакированные столы, мягкие кресла и огромная интерактивная доска. Матвей, окруженный своей свитой, занял места в третьем ряду — «золотой середине», откуда было удобно и слушать, и демонстрировать себя.

— Твое место там, — он небрежно указал на самый верхний ряд, прозванный студентами «галеркой». — Сиди тихо и старайся не дышать слишком громко. Профессор Громов не любит посторонних шумов. Особенно тех, что доносятся с окраин цивилизации.

Я молча поднялась по ступеням. На самом верху было пыльно и одиноко, но отсюда открывался отличный обзор на затылок Матвея. Я достала из рюкзака тетрадь и ручку — единственное мое оружие в этих стенах.

Двери распахнулись, и в аудиторию вошел мужчина, чей вид заставил даже самых развязных мажоров выпрямить спины. Профессор Громов. Сухой, подтянутый, с холодными серыми глазами и голосом, напоминающим скрип несмазанных петель.

Он не стал представляться. Просто открыл ноутбук, и на экране вспыхнула сложнейшая схема рыночных деривативов и формул дисконтирования.

— Итак, господа «будущие лидеры экономики», — Громов обвел зал взглядом. — Сегодня мы начнем с того, на чем многие из вас погорят на первой же практике. Анализ рисков при волатильности кривой доходности.

Он замолчал, и его взгляд внезапно остановился на мне. Я чувствовала, как по залу пробежал смех. На фоне холеных студентов в рубашках мой черный капюшон выглядел как бельмо на глазу.

— Вижу новое лицо, — Громов чуть прищурился. — Анастасия Макаркина, если не ошибаюсь? Перевод из регионального вуза. Скажите, Анастасия, в вашем... учебном заведении учили чему-то, кроме основ бухгалтерии сельпо?

Матвей едва заметно обернулся, на его губах играла предвкушающая усмешка.

— Выходите к доске, — отрезал профессор. — Покажите нам расчет приведенной стоимости для этого кейса. Если, конечно, вы знаете, что такое PV.

Я встала. Гул в аудитории усилился.

«Она сейчас упадет», «Спорим, она не знает, с какой стороны маркер держать?».

Я спускалась по лестнице, чувствуя на себе сотни оценивающих взглядов. Когда я подошла к доске, Громов протянул мне стилус, как шпагу для дуэли.

— Кейс номер пять, — сказал он. — У вас три минуты, чтобы найти ошибку в расчетах доходности к погашению.

Я посмотрела на экран. Формулы рябили, но цифры — это те же удары. В них есть своя логика, свой ритм. Я вспомнила, как ночами в нашей крошечной квартире зубрила учебники, пока отец спал в соседней комнате. Это был мой единственный билет оттуда, и я не собиралась его выбрасывать.

Я быстро набросала основную формулу:

Громов хмыкнул, но промолчал.

— Ошибка не в формуле, — голос мой прозвучал на удивление твердо. — Ошибка в допущении. Вы не учли инфляционную премию за третий квартал. Если мы скорректируем ставку i на реальный показатель, доходность падает на 1.5%, что делает весь проект убыточным.

Зачеркнула одну цифру и вписала другую. В аудитории воцарилась гробовая тишина.

Громов подошел ближе к доске, поправил очки и долго всматривался в мои каракули. Матвей перестал улыбаться. Его друзья переглядывались в недоумении.

— Садитесь, Анастасия, — наконец сказал профессор, и в его голосе впервые не было льда. Скорее... озадаченность. — Ваше «сельпо», видимо, использует продвинутые методики. Господин Котовский, а теперь вы выйдете и объясните нам, почему вы пропустили эту «незначительную» деталь, когда готовили этот же кейс на прошлом семинаре.

Я возвращалась на свою галерку, чувствуя, как по спине пробегает холодок триумфа. Проходя мимо Матвея, я не удержалась и на секунду задержалась.

— Кажется, у твоего «золотого стандарта» небольшая погрешность, — шепнула я так, чтобы слышал только он. — Удачи у доски, отличник.

Матвей сжал кулаки, и я увидела, как на его шее вздулась вена. Он явно не ожидал, что «девочка из провинции» умеет не только огрызаться, но и думать.

Глава 4

Настя...

После лекции я зашла в уборную, чтобы просто умыться ледяной водой и смыть с себя это липкое чувство чужого превосходства. Зеркала здесь были в золотых рамах, а воздух пах дорогим селективным парфюмом, от которого першило в горле.

Я только успела вытереть руки бумажным полотенцем, как дверь за спиной захлопнулась. Щелчок замка прозвучал в тишине как взвод курка.

Их было трое. Элина — та самая тонкобровая блондинка, которая на парковке морщила нос при виде моих кед, и две её «тени» в идентичных шелковых блузках. Они встали полукругом, отсекая меня от выхода.

— Знаешь, Настенька, — Элина медленно подошла к раковине, не сводя с меня глаз через зеркало. — У нас в университете есть своя экосистема. И в ней нет места сорнякам, которые пытаются цвести ярче роз. Ты сегодня слишком громко выступала у Громова.

— Это библиотека? Нет. Это туалет. Здесь тоже нельзя громко выступать? — я спокойно развернулась к ним, прислонившись спиной к раковине.

— Здесь мы объясняем правила тем, кто плохо слышит, — Элина сделала шаг вперед. Её лицо исказилось от брезгливости. — Ты думаешь, если отец Матвея притащил твою мамашу в свой дом, ты стала одной из нас? Ты — дворняжка. И если ты еще раз решишь выпендриться перед Матвеем, я сделаю так, что твоё лицо перестанет быть... симметричным.

Она протянула руку, явно намереваясь либо схватить меня за волосы, либо плеснуть водой, которая всё еще бежала из крана.

В «Ударнике» меня учили одному золотому правилу: никогда не жди удара, если видишь замах.

Мой мозг мгновенно переключился в режим анализа боя. Дистанция — метр. Центр тяжести противника смещен на правую ногу. Агрессия — 90%. Техника — нулевая.

Когда её ладонь была в десяти сантиметрах от моего лица, я просто сместилась на полшага в сторону. Инерция Элины сделала всё за меня. Я перехватила её запястье — не больно, но так крепко, что она вскрикнула от неожиданности, — и заломила руку за спину, припечатывая её лицом к зеркалу.

— Эй! Отпусти её! — взвизгнула одна из «теней», пытаясь броситься на помощь.

Я даже не обернулась. Просто чуть сильнее надавила на локоть Элины, заставляя её охнуть.

— Стоять, — мой голос прозвучал так тихо и страшно, что девчонки замерли на месте. — Давайте договоримся сразу. Я не пришла сюда заводить друзей. Но я и не жертва для вашего скучного буллинга.

Я наклонилась к самому уху Элины. Она дрожала, и я видела, как её идеальный макияж начинает плыть от выступивших слез страха.

— В моем районе, если кто-то зажимает человека в углу, он должен быть готов к тому, что у него выбьют зубы. Я занимаюсь боксом три года. Хочешь проверить, какова сила моего удара, если масса моего кулака, умножится на ускорение, которое я придам твоей челюсти?

Я прошептала формулу прямо ей в затылок.

— Я... я всё поняла... — пролепетала она, пытаясь вырваться.

Я отпустила её так же резко, как и схватила. Элина отшатнулась, судорожно потирая запястье. Её подруги попятились к двери, в ужасе глядя на меня, будто у меня только что выросли клыки.

— Правило номер один, — я подобрала свой рюкзак. — Не трогайте меня, и я не трону вас. Правило номер два: если еще раз закроете за мной дверь на замок — я выбью её вместе с вами.

Я подошла к выходу. Девушки буквально вжались в стену, пропуская меня.

— И передайте Матвею, — я обернулась в дверях, — что его «группа поддержки» нуждается в тренировках. Слишком много пафоса и слишком слабые связки. И ещё, — я чуть приостановилась. — можешь смело забрать его себе!

Я шла по коридору после столовой, чувствуя, как напряжение стягивает плечи тугой пружиной. В голове ещё звучали слова Элины, её ядовитый голос, но теперь к этому примешивалось что-то новое — настороженное любопытство окружающих.

Вдруг впереди образовался затор. Толпа студентов сбилась в плотную группу, перегордив проход. Из центра доносился голос Элины — дрожащий, но нарочито громкий, рассчитанный на публику. Она держалась за щеку, будто я действительно ударила её по лицу, и театрально всхлипывала:

— ...просто набросилась! Без предупреждения! Я всего лишь хотела с ней подружиться, а она... она меня ударила — вот, посмотрите, у меня до сих пор щека болит! Потом заломила руку и прижала к зеркалу! Угрожала, что изуродует!

Она демонстративно приподняла руку, показывая едва заметный красный след на запястье, и снова схватилась за щеку. Две её «тени» тут же закивали, поддакивая:

— Да, мы всё видели!

— Она такая агрессивная!

— И ещё эта жуткая формула... будто не человек, а робот с кулаками!

Кто-то из толпы обернулся и заметил меня. Разговор стих, все головы повернулись в мою сторону. Элина замерла на полуслове, но тут же взяла себя в руки и сделала шаг вперёд, выставив подбородок:

— Вот она! — ткнула она пальцем. — Та самая, кто напал на меня в туалете!

Я остановилась в нескольких шагах от неё. Толпа инстинктивно расступилась, образуя небольшой круг.

— Напала? Ты ничего не попутала? — повторила я, медленно выделяя каждое слово. — Ты назвала меня дворняжкой, угрожала изуродовать лицо и первая полезла в драку. А теперь рассказываешь, что я на тебя напала?

Мой голос звучал ровно, почти лениво, но в нём чувствовалась та самая холодная уверенность, которая ещё недавно заставила Элину дрожать.

В этот момент из-за спины Элины выступил Денис — один из приятелей Матвея, парень с лицом породистого щенка и душой гиены. Он сделал шаг вперёд, нарочито медленно, и бросил с издевательской усмешкой:

— А что, дворняжкам разве не положено знать своё место? Может, твоя мамаша не успела тебя этому научить, пока горизонтально прислуживала для бати Матвея? — Денис заржал, подходя к нам. Его взгляд, липкий и грязный, прошёлся по моей внешности.

Мир вокруг меня на мгновение замер. Звук голосов превратился в низкочастотный гул.

В «Ударнике» говорили: если в твоей голове наступает тишина перед ударом — значит, ты готов убивать.

— Что ты сказал про мою маму? — мой голос прозвучал низко и глухо, почти неузнаваемо.

Денис, явно воодушевлённый реакцией, расплылся в ещё более широкой ухмылке:

— Я сказал то, что все и так знают. Твоя мама — прислуга. А ты — её щенок, который возомнил себя породистой собакой. Слушай, Насть, — он наклонился к моему лицу, — Мне

как раз нужна такая... «дикая» девка. Будешь убираться в моей квартире. Могу платить натурой.

Я почувствовала, как в висках застучала кровь. Толпа затаила дыхание. Кто-то нервно переступил с ноги на ногу. Элина победно улыбнулась, явно довольная тем, как разворачиваются события.

А я больше не могла сдерживаться. Шагнула вперёд и с силой толкнула Дениса в грудь — так, что он отлетел на пару шагов и едва не врезался в стену.

— Ещё одно слово про мою маму, — прошипела я, наступая на него.

Денис побледнел, но быстро взял себя в руки. Он выпрямился, сжал кулаки и сделал шаг ко мне:

— Да ты...

Если я ударю его костяшками двух пальцев точно в гортань, давление будет достаточным, чтобы он забыл, как дышать, на ближайшие десять минут.

— Денис, — мой голос был настолько громкий, что он разлетелся по коридору. — У тебя очень дорогой винир на передних зубах. Будет жаль, если его придется выковыривать из твоей глотки.

— Что ты сказала, шлю...

Он не успел закончить. Моя рука взметнулась вверх быстрее, чем он успел моргнуть. Я не ударила его — еще нет. Я просто схватила его за край футболки и рванула на себя, одновременно подсекая его ногу.

Парень рухнул на колени прямо у моих ног, а его голова оказалась зажата моим локтем в классическом «гильотинном» захвате.

— Слушай меня внимательно, мусор, — прошипела я ему в ухо. — Еще одно слово о моей матери, и я гарантирую тебе, что следующую неделю ты будешь питаться через трубочку. Мне плевать на исключение. В моем районе таких, как ты, пускают на запчасти еще до заката. Понял меня?

Я разжала руки, и Денис мешком повалился на пол, судорожно хватая ртом воздух.

Чувствуя, как костяшки пальцев вибрируют от переизбытка адреналина, я выпрямилась. Денис остался на полу, судорожно глотая воздух, его холеная кожа приобрела землистый оттенок, а в глазах застыл животный, неосознанный ужас. Вокруг стояла такая тишина, что было слышно, как в конце коридора мерно тикают настенные часы.

Толпа, только что жаждавшая «грязного белья», теперь инстинктивно вжалась в стены. Для них я перестала быть просто «новенькой из трущоб». Теперь я была аномалией, стихийным бедствием, которое невозможно просчитать.

— Что здесь за консилиум? — голос разрезал тишину, как скальпель.

Матвей шел по коридору, не глядя на расступающихся студентов. Его походка была обманчиво ленивой, но в каждом движении чувствовалась та самая «породистая» мощь, о которой бредил Денис. Он остановился в центре круга, засунув руки в карманы брюк, и его взгляд мгновенно просканировал сцену: всхлипывающая Элина, багровый Денис на коленях и я — сжатая, как стальная пружина перед выстрелом.

— Матвей! — взвизгнула Элина, бросаясь к нему и хватая за рукав. — Она... она напала на Дениса! Она сумасшедшая! Она чуть не придушила его! Ты видел? Ты слышал, что она несла?! Её нужно немедленно сдать охране! А ещё она меня ударила, — Элина театрально пустила слезу, прижимая руку к щеке. — обещала мне лицо изуродовать.

Он медленно перевел взгляд на Дениса, который уже поднялся, пошатываясь и судорожно поправляя галстук. Его лицо перекошило от унижения.

— Дэн? — Матвей приподнял бровь, смеясь. — Ты позволил девчонке поставить себя на колени в главном холле?

— Она... она ударила первой! — прохрипел Денис, избегая взгляда друга. — Она угрожала мне! Я просто хотел поговорить, а она... Тварь... Матвей, ты же не оставишь это так? Приструни свою «сестру».

Матвей наконец посмотрел на меня.

— Поговорить? — мой «сводный» брат сделал шаг ко мне, сокращая дистанцию до опасного минимума. — Или просто вернула тебе должок за твоё длинное жало, Дэн?

— В моем мире, — мой голос был ровным, несмотря на то, что сердце колотилось в ребра, — это единственный способ выжить, когда на тебя нападает стая гиен.

Матвей вдруг усмехнулся. Это была не добрая улыбка. Это был оскал человека, который нашел новую, невероятно сложную игрушку.

— Все свободны, — бросил он через плечо, не отрывая от меня взгляда. — Шоу окончено. Эля, забери этого «инвалида» и своди в медпункт. Пусть ему проверят не шею, а наличие хребта.

— Но Матвей! — Элина задохнулась от возмущения.

— Ушли. Живо. — В его голосе лязгнул металл, и толпа мгновенно пришла в движение. Студенты начали стремительно расходиться.

Мы остались одни в пустом, звенящем коридоре. Матвей наклонился к моему уху, так близко, что я почувствовала его дыхание.

— Ты только что объявила войну самому влиятельному клану в этом крыле, — прошептал он. — Отец Дениса — не прощает синяков на горле своего сына. Завтра или даже сегодня тебя сотрут из списков студентов раньше, чем ты успеешь произнести «доброе утро».

— Читай по губам, Котовский, — я стала медленно произносить. — МНЕ ПЛЕВАТЬ! — я выдержала его взгляд. — Если кто-то еще раз откроет рот в сторону моей матери, я сделаю то же самое. В вашем мире слишком много гнили, которую даже хлоркой не вытравить. Если ты не приструнишь своих псов в том числе и свою Элю, я начну всех отстреливать. По одному.

Глава 5

Настя...

Через час меня уже вызвали в кабинет ректора. Я шла по коридору, стараясь не сбавлять шаг — будто спешила не на расправу, а на обычную пару. Пальцы всё ещё подрагивали от адреналина, но я спрятала руки в карманы и расправила плечи. В голове крутилась мантра:

«Не дай им увидеть страх. Не дай им увидеть слабость».

Дверь кабинета была приоткрыта. Из-за неё доносились возбуждённые голоса — баритон отца Дениса, высокий тембр матери Элины, всхлипы самой Элины. Я остановилась на мгновение, сделала глубокий вдох и постучала.

— Войдите! — раздался властный голос ректора.

Я вошла, не опуская головы.

За массивным столом сидел ректор — профессор Соловьев, человек с лицом из папье-маше и глазами, в которых застыла вечная усталость от капризов элиты. Но кажется не он был здесь главным. В кожаных креслах, как на тронах, расположились родители Дениса. Его мать, в костюме от Chanel цвета «испуганной нимфы», прижимала к глазам кружевной платок, хотя её тушь была в идеальном порядке. Отец, господин Верещагин, барабанил пальцами по подлокотнику. На его запястье поблескивали Patek Philippe.

Сам Денис стоял у окна с картинно наложенным на шею мягким фиксатором, хотя я знала, что не приложила и десяти процентов силы, чтобы нанести реальную травму. Увидев меня, он втянул голову в плечи, но в его взгляде вспыхнуло торжество.

— Вот она! — взвизгнула жена Верещагина, едва я переступила порог. — Эта... эта дикарка! Посмотрите на её лицо, Соловьев! В ней же нет ничего человеческого! Она чуть не лишила меня сына!

Рядом с ними сидели Элина и её родители — пара, выглядевшая так, словно сошла с обложки глянцевого журнала.

— Товарищ Соловьев, вы видите её руки? — добавила мать Элины. — У неё костяшки разбиты! Она — социально опасный элемент! Она ударила мою дочь!

— Присаживайтесь, Макаркина, — тихо сказал ректор, указывая на жесткий стул в центре комнаты.

— Я постою, — отрезала я. — Так быстрее.

— Вы посмотрите на эту дерзость! — Верещагин-старший поднялся, застегивая пуговицу пиджака. — Послушай меня, девочка. Мой сын, по твоей милости, будет госпитализирован с травмой шейного отдела. У нас есть заключения врачей, свидетельства пяти студентов и запись камер... на которых отлично виден твой «приём».

— Вот именно, у нас тоже есть заключение о побоях, — стал поддакивать отец Элины. — Она набросилась на нашу дочь в туалете! Ударил по лицу, заломила руку, угрожала изуродовать! Две другие девушки это слышали собственными ушами.

— Это ложь, — выплюнула я с такой злостью, что меня затрясло. Мой яростный взгляд прошёлся по окружающим. — Я применила приём самообороны после того, как ваш драгоценный сынок оскорбил мою мать и предложил мне стать его прислугой. А ваша «прелестная» дочурка мне сама угрожала!

— Самооборона?! — мать Дениса вскочила с места. — Вы видели, в каком состоянии мой мальчик? Он едва дышит!

— Он дышит вполне нормально! По крайней мере, ещё не через аппарат ИВЛ, — я кивнула в сторону Дениса. Этот шакал молчал, избегая моего взгляда. Его лицо всё ещё было бледным.

— Не дерзи! — рявкнул отец Дениса, резко делая небольшой шаг в мою сторону и ударил ладонью по столу. — товарищ Соловьев, я не намерен это слушать. Либо эта девица исключается сегодня до заката, либо мой фонд прекращает финансирование нового корпуса. Выберите. Или мои финансы... или это.

— У этой, есть имя! — не удержалась на его речь. — Настя, а для вас Анастасия Сергеевна.

От моего тона все замерли. Ректор болезненно поморщился. Он посмотрел на меня, и в его глазах я прочитала приговор.

— Настя, — мягко начал он. — Твое поведение было... недопустимым. Я вынужден подписать приказ о...

— Секунду, — дверь за моей спиной открылась без стона. Резко. Наотмашь.

В кабинет вошел Борис Котовский, а следом побледневшая мама.

— Борис? — Верещагин-старший заметно напрягся. — Ты что здесь делаешь? Это дело касается моей семьи и этой...

— Это дело касается и моей семьи, Аркадий, — голос Бориса был ровным, как свежеложенный асфальт. — Потому что Анастасия живет в моем доме. И судя по изъятной записи у службы безопасности, твой сын, — Борис Игоревич перевёл взгляд на родителей Волковой. — и ваша дочь, нарушили как минимум три пункта устава университета об этике.

Борис молча протянул ректору планшет.

— Там полный звук, — проговорил отец Матвея, и его взгляд на мгновение встретился с моим. — Оказывается, современные системы наблюдения пишут аудио очень четко. Денис там очень много интересного и не красивого наговорил... про Жанну Васильевну в том числе. — Котовский-старший посмотрел на мою маму. — Про «горизонтальное прислуживание» и про расплату натурой.

Лицо Дениса под фиксатором начало приобретать землистый оттенок.

— Ваш Настя — маньяк, Борис! — вскрикнула мать Дениса с ледяной физиономией.

— Моя дочь защищалась от грязных оскорблений, — наконец-то возразила мама.

— Аркадий, — Борис подошел к отцу Дениса и положил руку ему на плечо. Давление этой руки, судя по тому, как Верещагин присел обратно в кресло, было эквивалентно паре тонн на квадратный метр. — Давайте мы сейчас все успокоимся. — взгляд снова мелькнул в сторону Волковых. — к вам это тоже относится. Ваши дети заберут свое заявление. А Настя... получит выговор за превышение самообороны. Мы все извинимся друг перед другом, за это небольшое недопонимание. Или мы можем довести дело до суда. С аудиозаписью. Тебе напомнить, что твоя компания сейчас проходит аудит? Лишний скандал о «золотом мальчике-нацисте» тебе сейчас очень некстати.

— Хорошо, — выдал Верещагин-старший, поднимаясь и поправляя пиджак с хладнокровной улыбкой. — Думаю, скандалы нам ни к чему. Тем более кто из нас не был молодым? Кровь горячая, в голове чёрт знает что происходит. Сегодня наши дети ругаются, а завтра уже не разлей вода. — Мужчина бросил суровый взгляд на сына, подчёркивая значимость момента. — Денис, извинись за свои слова.

Глаза Дэна округлились от такого поворота событий — в них мелькнуло недоверие, будто он не верил, что отец действительно заставляет его это сделать. Он явно хотел что-то несносное выдать из себя в мою сторону: едкое замечание, колкую фразу или хотя бы презрительный смешок. Но, поймав тяжёлый взгляд отца, передумал. Губы его скривились, он сжал челюсти так, что на скулах заиграли желваки, и наконец процедил сквозь зубы, не поднимая глаз:

— Извини... те.

Элина тоже недовольно закатила глаза кверху, шумно вздохнула, всем видом показывая, как ей противно идти на попятную, и с явной неохотой, сквозь стиснутые зубы, произнесла:

— Она не била меня по лицу, я это придумала! Она меня просто взбесила!

В кабинете повисла вязкая, душная тишина. Все взгляды — торжествующий у Дениса; (он явно ждал моего гордого унижения как компенсации за свой позор), презрительный у Элины, выжидающий у Бориса и умоляющий у мамы — скрестились на мне.

Ректор Соловьев прочистил горло, его голос звучал почти елеяно:

— Ну вот и славно. Маленький формальный акт взаимного примирения ради сохранения гармонии в нашем учебном заведении. Анастасия Сергеевна, мы ждем ваших слов. Всего пара предложений — и этот приказ об исключении отправится в шредер.

Верещагин-старший сложил руки на груди, его Patek Philippe тускло блеснули в свете ламп.

— Ну же, девочка. Мой сын извинился. Теперь твоя очередь показать, что ты способна к... цивилизованному диалогу.

Я посмотрела на Дениса. Он сидел в кресле, и в его глазах не было ни капли раскаяния — только расчет. Он не извинялся. Он просто выполнял команду отца, как дрессированный пес, чтобы спасти бизнес. Я посмотрела на Элину — та рассматривала свой маникюр с таким видом, будто всё происходящее ниже её достоинства.

«Если я сейчас извинюсь, — подумала я, и кулаки в карманах сжались так, что ногти вонзились в ладони, — я стану одной из них. Я признаю, что их деньги дают им право оскорблять мою мать, а моё извинение — это просто налог на право дышать с ними одним воздухом».

— Настён, — мама сделала шаг ко мне.

— Борис Игоревич помог... Не ломай всё сейчас, прошу тебя... скажи это вслух, громко, чтобы все услышали.

— Нет, — мой голос прозвучал тихо, но в этой тишине он был подобен треску ломающегося льда.

— Что ты сказала? — переспросил Верещагин-старший, прищурившись.

Я подняла голову и посмотрела прямо в глаза отцу Матвея, который стоял с непроницаемым лицом, а затем перевела взгляд на родителей этих «золотых» деток.

— Я сказала — нет. Я не буду извиняться. За что? За то, что у меня хватило смелости не дать вашему сыну вытереть об меня ноги? Или за то, что я не стала молчать, когда ваша дочь нагло врала, глядя всем в глаза?

— Настя, — Борис повернулся ко мне. В его глазах уже не было тепла — только холодный расчет игрока, который буквально только что выиграл партию. — Извинись за то, что перешла черту. Один шаг навстречу — и мы забываем об этом цирке.

— Знаете что? — выкрикнула я, и мой голос сорвался на хрип. — Можете засунуть свои извинения куда-нибудь поглубже, например в задний проходной корпус!

Я увидела, как округлились глаза ректора, как побледнела мама, а Борис Игоревич покраснел.

— Пошли вы все на три советских буквы! — бросила я, чувствуя, как слезы ярости, которые я так долго сдерживала, всё же обжигают глаза. — Все вы!

Я развернулась, толкнула тяжелую дверь так, что она с грохотом ударилась о стену, и выбежала в коридор. Ступени, лестничные пролеты, золоченые перила — всё слилось в одну смазанную линию. Я бежала мимо ошеломленных студентов, мимо охраны, мимо всей этой роскоши, которая вдруг стала мне противна до тошноты.

Глава 6

Матвей...

Я крутил в руках тяжелую зажигалку, хотя давно не курил.

Знаете, в нашем универе всё стерильно. Все знают, кому лизать руки, а кому плевать в спину, но делают это по-тихому, с вежливой улыбкой. А потом в этот аквариум с золотыми рыбками забросили пиранию. Настю Макаркину.

Она не просто чуть не придушила Верещагина, она нарушила главный закон нашего круга: не трогай «своих», даже если они последние подонки.

Мои пальцы машинально скользят по гладкой поверхности телефона.

«Нужно позвонить. Сейчас. Пока отец не занят своими „важными“ делами, а Соловьёв ещё не предвкушает очередной акт правосудия по закону сильных», — быстро набрал номер отца.

— Да, Матвей, — голос на том конце провода звучит устало, но с ноткой раздражения. — у тебя что-то срочное? У меня совещание через десять минут.

— Пап, — я стараюсь, чтобы голос звучал спокойно, без тени той бури, что бушует внутри. — Я помню, ты говорил, что можешь получить доступ к архивам камер наблюдения в нашем университете.

— Матвей, ты же знаешь, это... сложно. Конфиденциальная информация. Да и вообще, что такого произошло, что ты отвлекаешь меня по пустякам?

— Я знаю, пап. Но сегодня это важно. Очень важно. Это касается Насти.

На другом конце, возникла тишина. Затем слышу, как отец вышел из кабинета.

— Что там произошло, Матвей? Ты разве не мог присмотреть за ней? Я же просил тебя помочь ей освоиться, — отец командным тоном начал читать мне нотации.

— Присмотреть? — я горько усмехнулся. — Пап, она не комнатная собачка. Эта Настя — стихийное бедствие в наших кругах. Она почти придушила Верещагина-младшего прямо в коридоре. А ещё сама Волкова сказала, что она приложила её в туалете. Не знаю, правда это или нет.

— Верещагин? — в голосе отца послышался сухой щелчок — он открыл портсигар. — Только этого не хватало. Жди меня в главном холле через пятнадцать минут. Надеюсь, что на записях будет хоть что-то, что оправдывает её поведение.

Буквально через десять минут у парадного входа, взвизгнули шины. Мой отец, вышел из своей машины с таким видом, будто приехал покупать это здание вместе со всеми потрохами. Рядом с ним шла Жанна Васильевна, мать Насти. Она выглядела так, будто её ведут на расстрел — бледная, руки трясутся, всё время поправляла воротник блузки.

Я сделал шаг ему навстречу, преграждая путь к кабинету службы безопасности университета.

— Пап, подожди, — я понизил голос, кивнув в сторону бледной Жанны. — Если Настю вышвырнут, это будет катастрофа.

— Она сама создала эту катастрофу, Матвей, — отец даже не замедлил шаг.

— Послушай, — я схватил его за локоть, заставляя остановиться. — Сделай это ради Жанны Васильевны. Ты же видишь, в каком она состоянии.

Отец подавил хмурый смехок.

— Что-то ты не очень был рад, когда я сообщил тебе, про то что хочу жениться на Жанне, а теперь переживаешь за её состояние.

— Спаси девчонку, хотя бы чтобы дома был мир между тобой и Жанной, — коротко кинул отцу.

Жанна Васильевна, которая до этого стояла в тени, внезапно сделала шаг вперед. Её голос прозвучал громко, ломая мой план «мягкой манипуляции».

— Не надо, Матвей. Не нужно выпрашивать для неё пощаду как для капризного ребенка.

Она подошла вплотную к моему отцу, глядя ему прямо в глаза.

— Борь, я не прошу тебя спасти Настю «ради моего настроения». Я предупреждала тебя, что с ней не просто. Но моя дочь никогда не бьет первой. Если она сорвалась — значит, её довели до края.

Отец на секунду замер. Я видел, как в его голове происходит расчет «цены вопроса». Вероятность конфликта с Верещагиным-старшим, против стабильности в отношениях с Жанной.

— Я сейчас схожу до службы безопасности, — наконец-то произнес он, поправляя галстук. — Жанна, жди здесь. Но если на видео Настя действительно первая вцепилась ему в глотку без причины — я умываю руки.

— О, глядите-ка, мозг семейства Котовских в глубокой медитации! — раздался хохот Марка, когда я стоял в другом конце коридора неподалёку от кабинета ректора.

— Или в засаде? — поинтересовался луково Стас.

Я не оборачиваясь понял, что они здесь. Марк и Стас — два сапога пара.

— Здорово, парни, — едва заметно кивнул.

— Слышь, Матвей, — Стас прислонился к краю мраморного подоконника, крутя в руках ключи от своей новой «М-ки». — твой старик прилетел, а с ним кто? Мать Насти? Весь универ только и гудит о том, как она Верещагина в стену впечатала. Видел Дэна? Строит из себя умирающего лебедя, папаша ему уже справку о сотрясении выбил. Он там в ошейнике ходит, типа шея сломана.

— Она устроила отличное шоу, — отрезал я. — А Дэн — дешевый актер. И получил от Макаркиной то, что заслужил, — я едва заметно улыбнулся.

— Да ладно тебе, она же реально дикая! — Марк хохотнул. — Из какого-то гетто приехала, а гонора больше, чем у английской королевы. Народ говорит, она Дэна так приложила, что он секунды три не понимал, где находится.

— А ты чего за нее впрягаешься? — Стас прищурился. — Неужели зацепила? Да, она же вообще не наш уровень. Ни манер, ни бабла, одни кулаки и колючий взгляд.

— Просто интересно посмотреть, как долго она продержится против системы, — я пожал плечами. — Вы же знаете, я люблю качественные драмы.

Вечер того же дня. Клуб Versace.

Неон, тяжелые басы, вокруг запах элитного алкоголя. Мы сидели в VIP-зоне, попивая ледяной «Кристалл». Стас и Марк всю ночь обсуждали девчонок на танцполе, а я не мог выкинуть из головы лицо Насти — ту ярость, гордость и слёзы в её глазах, когда она вылетела из кабинета ректора.

— Опа, глядите, наш «инвалид» нарисовался, — Марк кивнул в сторону входа.

В клуб ввалился Денис в компании своих. Никакого шейного корсета, никакой боли в глазах — он сиял, как начищенный пятак. Заметив нас, он направился прямо к нашему столу.

— О, Котовский! — Дэн приторно улыбнулся, хотя один глаз у него заметно заплыл. — Чего грустный такой? Праздновать надо! Твою «сестренку» сегодня официально стерли в порошок. Она послала всех на три буквы у ректора. Завтра приказ об отчислении гарантирован. Пусть валит обратно в свои трущобы мыть полы. Там ей самое место. Прислуга должна знать свое место, сечешь?

— Закрой рот, Дэн, — спокойно сказал я, ставя стакан на стол.

— А то что? — Дэн наклонился ко мне, от него уже несло перегаром. — Тоже ударишь? Ты за эту грязь впрягаешься? Да она же никто. Её мамаша под твоим отцом стелется.

А Настенька твоя... я бы её купил на одну ночь, так чисто поржать, да боюсь, она слишком воняет дешёвкой.

Я встал медленно. Тишина вокруг нашего стола стала почти осязаемой. Мой мозг в этот момент закипел.

Дэн открыл рот, чтобы что-то вякнуть, но я не стал ждать. Первый удар пришелся ему точно в нос — я почувствовал, как хрустнул хрящ. Дэн отлетел на столик, сбивая бутылки. Его дружки рванули ко мне, но Стас и Марк внезапно перегородили им путь.

Я схватил Дэна за воротник рубашки, притягивая к себе. Из его носа хлестала кровь, заливая дорожку ткань.

— Послушай меня внимательно, урод, — прошипел я ему в лицо. — Еще раз откроешь свой поганый рот в её адрес, и я сделаю так, что тебе никакой корсет не поможет.

Оттолкнул его и посмотрел на парней.

— Пошли отсюда, парни. А то здесь атмосфера испортилась.

Я уже развернулся, чтобы уйти, когда за спиной раздался сдавленный, булькающий крик.

— Котовский! — взвыл он, и этот звук перекрыл даже тяжелый бит диджея. — Ты только что подписал себе приговор! — Он сплюнул кровью на зеркальный пол и обвел взглядом затихающую VIP-зону. — Слышите все?! Котовский теперь — изгой! Он променял нас на дворняжку! Это война, Матвей!

Я даже не обернулся. Только кулак саднило — костяшки ныли от соприкосновения с его физиономией. Но внутри было странное, почти забытое чувство... облегчения.

Мы вышли из клуба под аккомпанементы истерических выкриков Дэна, которые тонули в тяжелых басах диджея. В голове набатом зазвучали слова, сказанные всего час назад, до того как появился Верещагин.

«Месяц? — я криво усмехнулся и выставил на стол ключи от машины. — Даю две недели. Через две недели эта «колючка» будет смотреть на меня влюблёнными глазами и сама запрыгнет в мою постель.

Марк и Стас переглянулись.

— Усложним задачку, для Котовского? — Стас заговорчески подмигнул Марку и тот ехидно кивнул. — Нам будут нужны видеодоказательства, чисто для своих, как ты с ней кувыр-каешься в постели»

И самое паршивое — я ведь не отказал. Я согласился превратить Настю в трофей, в цифровой файл, который мы будем пересылать друг другу в закрытом чате. Тот же я, который только что сломал нос Верещагину за оскорбление в сторону моей будущей «сестры». Если она узнает о споре. Меня никто и ничего спасёт от того пожара, который она устроит в моей голове.

Выходит я сам забросил себя в эту ловушку. Снять видео — значит окончательно стать подонком. Отказаться — значит проиграть Марку и Стасу, показать слабость перед всем кругом, который и так уже жаждет моей крови после выходки с Дэном.

— Матвей, ну что? — негромко спросил Стас, закуривая. — Камеры в телефоне заряжены? Или после драки ты решил отдать ключи от тачки, так и не сев за руль?

— Я в деле, — коротко бросил и махнув рукой пошёл в сторону машины.

Глава 7

Настя...

Холодный воздух улицы обжег заплаканное лицо, но я даже не вздрогнула. Внутри всё выгорало. Я бежала мимо дорогих иномарок, мимо студентов в дорогуших шмотках, и каждый их взгляд казался мне плевком в душу.

«Ненавижу. Ненавижу эту „роскошную жизнь“, где за право сидеть в мягком кресле ты должна продать свою гордость», — пульсировало в висках.

Я ненавидела этот день.

«Цивилизованный диалог, — прошипела я про себя, сворачивая на другую улицу. — Дрессированные подонки в дорогих костюмах. Мама, как ты могла попросить перед ними извиниться?»

Я дрожащим руками выхватила из кармана измятый клочок бумаги, который мне дал Степаныч. На бумажке был адрес и название, которое сейчас казалось единственным спасением: «Black Vox». А внизу корявый подчерк: «Клуб «Black Vox». Спросить Виктора. Помни, Настя: твой лучший удар еще впереди.»

Я шла долго, пока блеск центральных улиц не изменился на обшарпанные стены промзоны. Здесь не было пафоса. Здесь пахло дешевым кофе и... силой.

Тяжелая стальная дверь в подвал встретила меня глухим эхом.

Как только я переступила порог, меня накрыло. Запах пота, старой кожи, дешевого антисептика и чего-то честного, первобытного. Гулкие удары по тяжелым мешкам, скрип кроссовок, ритмичное дыхание. Это был звук реальности, а не фальшивых извинений.

В центре зала, у ринга, собралась кучка парней. В центре стоял человек-гора с выбритыми висками и лицом, которое явно не раз встречалось с тяжелым весом. Виктор «Танк» Стахов. Бывший чемпион мира. Легенда.

— Опа, гляньте, — один из парней, вытирая лицо полотенцем, ткнул пальцем в мою сторону. — Мальвина дверью ошиблась? Тебе в студию йоги на три квартала выше, детка.

По залу прокатился грубый мужской смех.

— Слышь, куколка, — подал голос другой, прыгая со скакалкой, — у нас тут ногти ломаются быстрее, чем ты успеешь сказать «ой». Может, тебе такси вызвать?

Я чувствовала, как слезы ярости высыхают, превращаясь в чистый, концентрированный лед.

— Заткнулись все, — голос Танка прозвучал негромко, но смех мгновенно оборвался.

Он медленно повернулся ко мне, скрестив на груди руки размером с мою голову. Его глаза, глубоко посаженные и пронзительные, сканировали меня сверху вниз.

— Слушаю тебя, — буркнул он. — Если пришла за автографом — я их не даю. Если потерялась — выход там же, где вход.

Я сделала три шага вперед, прямо в центр зала, под прицел десятка насмешливых глаз.

— Я от Степаныча, — сказала я, и мой голос эхом отразился от бетонных стен.

Танк замер. Насмешка в его взгляде сменилась коротким, острым интересом. Он бросил полотенце на канат ринга и подошел вплотную.

— Степаныч, значит... — Стахов прищурился, глядя на мою заплаканную лицо и сжатые кулаки. — И что, старый лис решил, что нам здесь не хватает гламура? Зачем он тебя прислал?

— Чтобы я не забыла, как бить в ответ, — вздохнула я, глядя ему прямо в глаза. — Когдастая гиен меня пытается смешать с дерьмом. Ещё он сказал, что звонил сюда и сообщил, что к вам едет девчонка с ударом тяжеловеса и характером цепного пса.

— Нет, ну Степаныч реально, лис. Мне никто не звонил, — Танк хмыкнул, и в этом звуке было что-то похожее на одобрение.

Он обернулся к своим парням, некоторые всё еще скалились, а другие смеялись.

— Борзая, — кто-то фыркнул смеясь из толпы.

— Слышали? — Танк снова посмотрел на меня. — Эй, Макс! Дай ей бинты. Посмотрим, что там Степаныч в тебе разглядел, кроме умения хлопать ресницами.

Один из парней, тот самый, что смеялся первым, нехотя протянул мне пару заношенных красных бинтов.

— На, «Мальвина». Попробуй не запутаться.

Я выхватила бинты из его рук. В этот момент я знала одно: я лучше сдеру кожу на кулаках об эти грубые мешки, чем еще раз позволю кому-то в костюме от Гуччи диктовать мне, как я должна себя вести.

— Танк, ты уверен? — тихо спросил рыжий парень, наклоняясь к нему. — Девчонка выглядит так, будто сейчас расплечется. Мы её случайно не покалечим?

— А ты не бойся, — огрызнулась я, перехватывая его взгляд. — Я не собираюсь плакать.

— Ого, — рыжий поднял брови. — Да она ещё и дерзкая.

— Вот и проверим, — хмыкнул Танк.

Танк медленно обвел взглядом зал, заставив парней окончательно замолкнуть, и его тяжелый палец уткнулся в Макса — того самого долговязого парня, который смеялся громче всех.

— Макс, на ринг.

Макс ухмыльнулся, прыгнул со скамейки и, играя плечами, направился к канатам.

— Шеф, ты серьезно? — он обернулся, уже надевая перчатки. — А если я ей личико испорчу? Мамочка потом в суд подаст за порчу имущества?

— Не подаст, — отрезала я. Уже сбросила кроссовки и осталась босиком на холодном резиновом покрытии. Стянула кофту оставшись в коротком топике и швырнув его прямо на грязный пол, начала яростно наматывать бинты, как когда-то учил Степаныч. — Она сейчас слишком занята извинениями перед подонками.

Танк подошел ко мне, перехватил мои руки и парой точных движений закрепил бинт.

— Слушай сюда, кнопка, — тихо пробасил он мне в самое ухо. — На ринге нет обид. Есть только дистанция и тайминг. Твой гнев — это бензин. Если подожжешь его весь сразу, сгоришь за минуту. Макс тяжелее, он будет играть. Дай ему повод загордиться, а потом бей. Поняла?

— Сама разберусь, — злобно шикнула, чувствуя как сердце колотит в рёбрах.

Я залезла под канаты.

Вокруг ринга собрались остальные бойцы. Они переглядывались, кто-то ехидно посмеивался.

— Правила простые, — Танк встал между нами. — Три минуты. Или до первой крови. Макс, только джебы. Увидишь, что она поплыла — стоп. Погнали!

Макс лениво поднял руки.

— Ну давай, принцесса. Ударь меня. Представь, что я — тот парень, который тебя обидел.

В глазах потемнело. Всё, что я копила в себе последние часы — унижение в ректорате, бледное лицо мамы, презрительный взгляд Элины — всё это сжалось в одну точку.

Я рванула вперед. Без техники, без защиты — просто комок ярости. Нанесла серию ударов, но Макс легко ушел в сторону, а я чуть не влетела лицом в канаты.

— Ой, мимо! — загоготал кто-то из толпы. — Мальвина, ты в него сумочкой кидай, эффективнее будет!

— Слишком много шума! — крикнул Танк. — Ноги! Смотри на его плечи!

Я развернулась. Лицо горело от стыда и злости. Макс подошел ближе и демонстративно опустил руки.

— Давай, я даже защищаться не буду. Бесплатный шанс для бедной девочки.

Это было оно. То самое снисхождение, которое я ненавидела больше всего. Та самая уверенность, что меня можно пожалеть.

Я сделала глубокий вдох, как учил Степаныч. Мир вокруг сузился до кончика носа Макса. Я сделала ложный выпад влево, и когда он, ухмыляясь, начал отклоняться, я вложила всю свою ненависть в один правый хук.

Хруст.

Мой кулак встретился с его скулой. Макс не упал, но его голова резко дернулась, а ухмылка мгновенно сползла. Он пошатнулся, прижимая перчатку к лицу.

По залу пронёсся коллективный выдох: «О-о-ох...»

— Ах ты... змея! — прошипел Макс. Его глаза налились кровью. Он забыл про наставление Танка «только джебы» и пошел на меня по-настоящему.

Резкий удар в плечо отбросил меня к канатам. Боль была тупой и сильной, в глазах на мгновение потемнело. Второй удар пришелся в защиту, но и через нее я почувствовала мощь профи. Колено подкосилось, я почувствовала вкус металла во рту — разбитая губа. Снова.

— Стоп! — рывкнул Танк, вклиниваясь между нами и отодвигая Макса одной рукой, как пушинку. — Достаточно.

— Она мне чуть челюсть не вынесла! — прорычал Макс, вытирая капельку крови с лица. — Сама напросилась!

Танк проигнорировал его. Он подошел ко мне, взял за подбородок и заставил посмотреть на него. У меня из носа текла тонкая струйка крови.

— Больно? — спросил Стахов.

— Нет, — выдохнула я, хотя лицо горело, а в голове шумело. — Мало.

— Мало ей... — Танк едва заметно улыбнулся краем губ. — Степаныч не ошибся. Ты не Мальвина. Ты — порох. Осталось научить тебя не взрываться раньше времени.

Он обернулся к залу.

— Кто еще хочет посмеяться над девчонкой?

Тишина была ответом. Парни смотрели на меня уже без насмешки — скорее с опаской и странным уважением. Макс, ворча, ушёл.

— Иди умойся, — Танк кивнул мне на раздевалку.

После того, как привела себя в более менее нормальный вид, я уже собралась уходить, как услышала голос Танка:

— Твои тренировки будут по средам и субботам. В шесть вечера. Не опаздывай, — голос Стахова звучал глухо.

Я застыла, в груди что-то сжалось. В кармане — пара мятых купюр и горсть мелочи. Денег на тренировки у меня, по правде говоря, не было. Совсем.

— А сколько это будет стоить? — спросила я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

Танк усмехнулся — медленно, почти незаметно. Он продолжал что-то записывать в свою огромную тетрадь, будто мои слова были не более чем шорохом ветра. Ручка скрипела, царапая бумагу.

— Только не говори, что тебе нечем будет платить, — он поднял глаза.

Кто-то за спиной шумно выдохнул. Парни замерли, ожидая ответа. Тишина повисла, как гиря на цепи.

— Я найду деньги, — я сглотнула, — только... потом. Можно пока бесплатно?

На мгновение стало так тихо, что я слышала, как стучит моё сердце — громко, неровно. Потом кто-то хмыкнул. Ещё один смешок. И вдруг — взрыв хохота. Парни схватились за животы, хлопали друг друга по плечам. Один даже закашлялся, утирая слёзы.

Танк закрыл тетрадь с сухим хлопком. Звук разнёсся по подвалу, как выстрел.

— Бесплатно, значит, — он сделал шаг ко мне. — В этом мире бесплатно даже по лицу не получают, девочка. Но есть другой путь.

Я сглотнула, чувствуя, как внутри всё сжимается, а Танк продолжил:

— Ладно, первые два месяца, тренировки бесплатны, будем считать это испытательным сроком.

— Спасибо, — сделала медленный выдох, уже развернулась чтобы уйти, как перед глазами на миг всплыло лицо Бориса Игоревича. Ситуация в универе. Возвращаться домой сегодня, завтра, вообще когда-либо... Не хотелось от слова совсем. — а можно мне переночевать здесь? Сегодня. И, если можно... До тех пор, пока не найду работу и жильё? Я отработаю, — выпалила я. — Буду мыть полы, чистить маты, перематывать бинты... всё, что скажешь. Только...

Я замялась, глядя на обшарпанные стены «Black Vox». Для кого-то это был грязный подвал, но для меня сейчас он выглядел как единственная крепость, где я могла перекантоваться.

В зале повисла такая тишина, что было слышно, как гудят лампы под потолком. А потом тишину разорвал свист Макса.

— Ого! Танк, слышал? У тебя теперь не бойцовский клуб, а отель «Пять звезд» для бездомных принцесс! — Макс усмехнулся во весь рот.

— Слышь, малая, а завтрак в постель тебе не подать? — подхватил Шут, вытирая лицо полотенцем. — Может, тебе еще и пижаму с мишками выдать?

— Танк, ты только посмотри на неё, — Макс подошел ближе, заглядывая мне в лицо. — Она реально думает, что «Black Vox» — это благотворительный приют. Ты её ещё удочери, будем ей колыбельные перед спаррингами петь.

Танк даже не повернул головы в их сторону. Его тяжелый взгляд был прикован ко мне.

— Тебе что, жить что ли нигде?

— Есть. Я лучше буду спать на этих матах, чем вернуться в тот дом.

Танк молчал несколько долгих секунд, переводя взгляд с моей решительной физиономии на своих парней.

— В подсобке есть старый диван. Если увижу хоть одну твою вещь в зале или услышу нытьё — вылетишь на улицу в ту же секунду. В шесть утра — подъем и уборка помещения. Это и будет твоя аренда. А потом можешь идти на учёбу или куда ты там ходишь. Клуб я закрываю в двенадцать ночи, если не успеешь вернуться к этому времени, считай что ночлега у тебя нет. Поняла?

— Поняла, — выдохнула я, чувствуя, как с плеч сваливается огромная глыба. — Я успею, только вещи свои заберу из дома.

— Ну дела... — пробормотал Макс себе под нос, когда я уже быстрым шагом направлялась к выходу. — Танк реально пустил девчонку в «Коробку». Мир точно сошел с ума.

— Дёмыч, нафига тебе всё это? Нянчиться с бабой, ладно, она на тренировки будет ходить, но ночевать здесь... — выдал недовольно один из парней за моей спиной.

— Да, я просто себя вспомнил, когда в Москву приехал за лучшей жизнью, — хмыкнул Танк в ответ своим парням.

Глава 8

Настя...

Дверь особняка Котовских открылась бесшумно. В прихожей пахло дорогим парфюмом, свежими лилиями и тем специфическим «благополучием», от которого меня теперь тошнило. Я надеялась проскочить в свою комнату незамеченной, но свет в гостиной вспыхнул, как только я переступила порог.

— Настя? Это ты? — голос матери был полон тревоги. Голос матери дрогнул, сорвавшись на высокой ноте. Она замерла у входа в гостиную. Когда свет выхватил моё лицо — запекшуюся кровь под носом, распухшую фиолетовую скулу и разбитую губу — она вскрикнула, прижимая ладони к губам так сильно, будто боялась, что её стон услышит вся улица. — Господи... Настя! Что с тобой? На тебя напали? Где ты была? Кто это сделал? — она бросилась ко мне, протягивая дрожащие руки к моей разбитой скуле. — Боря! Боря, иди сюда скорее! Настю избили!

Я отстранилась, чувствуя, как саднит кожа.

— Никто меня не избивал, мам. Успокойся.

Из кабинета вышел Борис Игоревич. Его дружелюбное лицо, сейчас было багровым от гнева. Он даже не взглянул на мою рану.

— Ты только посмотри на себя, Настя. Выглядишь как девка из подворотни после пьяной драки.

— Боря, ей же больно! Нужно вызвать врача! — лепетала мама, но Борис Игоревич лишь властным жестом заставил её замолчать.

— Врача? Жанна, ты меня извини, но ей нужен психиатр. Ты хоть понимаешь, что ты натворила сегодня в университете? — он подошел вплотную, и я почувствовала запах его дорогого коньяка. — Ректор в бешенстве. Волковы и Верещагины... люди, с которыми я годами выстраивал деловые связи, теперь обсуждают, какая дикарка живёт в моём доме. Ты выставила нас посмешищем перед всей элитой города!

Внутри меня что-то щелкнуло. Тот самый «порох», о котором говорил Танк, вспыхнул от одной искры.

— Этот Дэн оскорбил маму! — выплонула я, чувствуя, как пульсирует боль в скуле. — Разве вам приятно, что вашу будущую жену называют вашей прислугой и подстилкой?! Вам это по душе, Борис Игоревич?

— Настя, — воскликнула мама, бледная

— Что «Настя»?! — я буквально прожигала Котовского взглядом. — Если вам плевать на эти оскорбления, значит, вывод один: вам плевать на мою мать! Вам важнее, что скажет Ректор, чем честь женщины, которая стоит рядом с вами!

— Настя, — прошипел Борис Игоревич, его глаза сузились до щелок. — Мне не плевать на Жанну. Мы все слышали, что нес Денис. И поверь мне, я бы разобрался с этим по-своему, тихо и эффективно. Но ты... ты всё испортила своей первобытной агрессией.

Он сделал паузу, чеканя каждое слово:

— Завтра же ты наденешь самое приличное платье. Замажешь это уродство тонной грима. И пойдешь извиняться. Сначала к Ректору, потом поедешь к Волковым и Верещагиным. Ты будешь просить прощения так убедительно, чтобы они забыли этот кошмар. Это не обсуждается.

— Я никуда не пойду, — мой голос звучал пугающе спокойно. — И извиняться мне не за что.

— Настя, пожалуйста... Не делай хуже, — простонала мама, но я уже развернулась к лестнице.

— Я пришла за вещами. Я здесь больше жить не буду. И в ваш «элитный» гадюшник-университет тоже не вернусь.

В холле воцарилась такая тишина, что было слышно тиканье антикварных часов. Борис Игоревич хотел что-то крикнуть, но в этот момент на втором этаже показался Матвей. Он лениво перегнулся через перила, рассматривая меня с таким видом, будто изучал редкое насекомое.

— Ого, — протянул он, смакуя каждое слово. — Глядите-ка, наша принцесса решила сменить корону на фингал. Насть, тебе идет. Гармонично смотрится с твоим пещерным характером.

Он спустился на пару ступенек ниже, не сводя с меня ехидного взгляда.

— Заткнись, Матвей, — бросила я, проходя мимо него в свою комнату.

— Если ты думаешь, что твоя новая «морда кирпичом» пугает Волковых и Верещагиных — зря, — добавил он мне в спину, когда я уже входила в комнату. — Теперь ты для них даже не враг, а просто грязное недоразумение.

— Матвей! А ну быстро завязывай со своими колкостями! — рявкнул на него отец, но в этом окрике не было защиты для меня, только раздражение от общего хаоса.

Когда через десять минут я спустилась с рюкзаком, Борис Игоревич всё еще стоял у двери, как скала. Мама подбежала ко мне, вцепившись в мою руку мертвой хваткой.

— Настя, перестань! Куда ты собралась?! — Она сорвалась на крик, сквозь слезы проступила злость отчаяния. — Вернись в свою комнату сейчас же!

— Если ты выйдешь в эту дверь, — ледяным тоном произнес отец Матвея, — обратной дороги не будет. Ты пойдешь на дно, Настя. Ты этого хочешь?

Я поправила лямку рюкзака и посмотрела на него в последний раз.

— Я уже на дне, Борис Игоревич. Но по крайней мере, здесь я сама по себе.

Дверь за моей спиной захлопнулась с тяжелым стуком.

— Пусть идет, — донесся до меня через толстое дерево голос Котовского. — Жанна, не плачь. Попсихует и вернется. Идти ей всё равно некуда.

— Я, может, глупость сейчас скажу... — Голос Матвея внезапно потерял свою ехидную окраску. — Но если она не хочет жить с нами... Пап, пусть живет в квартире у бабушки. Хата всё равно пустая. Да и перед ректором она извинится, куда она денется, когда голод прижмет... Пап, ну серьезно, не на вокзал же ей идти.

Глава 9

Матвей...

Я смотрел, как за ней захлопнулась эта массивная дубовая дверь. Бам — и нет больше моей проблемной «сестренки».

Жанна начала заливаться слезами, а я... я почувствовал странный укол. Не то чтобы мне было её жалко, нет. Но то, как она выплюнула отцу в лицо правду про Дэна и его отношение к матери... Это было эффектно. Самоубийственно, глупо, но чертовски эффектно.

— Я разберусь, — бросил я отцу, хватая ключи от своего ещё «Порше» с тумбочки.

— Матвей, не смей её возвращать! Пусть померзнет, — крикнул отец вслед, но я уже был на крыльце.

Я знал, куда она пойдет. В нашем поселке «Золотые пруды» пешком далеко не уйдешь — охрана на КПП, семь километров до трассы. Она наверняка застряла на остановке у въезда, надеясь на последний рейсовый автобус, который в это время ходит раз в пятилетку.

Свет фар выхватил её фигурку издалека. Она сидела на скамейке, такая маленькая и нелепая со своим рюкзаком на фоне пафосного кованого павильона остановки. Лицо уже начало опухать — фингал обещал быть знатным.

Я притормозил, опустил стекло. Холодный ночной воздух мгновенно заполнил салон.

— Эй, Анастасия д'Арк, — позвал я, не выходя из машины. — Костер уже потух, или ты всё еще планируешь сжечь этот город дотла?

Настя даже не повернулась. Она сидела, уставившись в пустую дорогу, сжимая лямки рюкзака так, что костяшки побелели.

— Вали отсюда, Матвей. На сегодня шоу окончено.

Я вздохнул, заглушил мотор и всё-таки вышел. Оперся локтями о крышу машины, разглядывая её.

— Послушай, Насть. Ты сейчас похожа на побитую собаку с гонором льва. Автобусов не будет. Пешком до города ты дойдешь аккурат к утру, если тебя по дороге патруль не заберет за бродяжничество и подозрительный вид. Тебе есть куда идти? Только честно, без твоего этого «я сильная, я справлюсь».

— Мне есть куда идти, так что, садись в свою тачку и проваливай, — приснула она мне и гордо отвернулась.

— Короче, — я подошел ближе, стараясь не делать резких движений. — Я тут отцу одну идейку подкинул. У нас в старом районе, на окраине, есть квартира. Бабушкина. Бабка померла. Хата пустая, ремонт... ну, скажем так, «ретро-шик» из семидесятых. Но там тепло, есть душ и кровать. И главное — там нет моего отца.

В тусклом свете фонаря её лицо выглядело совсем пугающе.

— Я не продаюсь, Котовский. И не впечатляюсь дорогими безделушками. Даже если это квартира твоей покойной бабушки. Оставь свои фокусы для тех, кто на них клюёт. — Настя наконец подняла на меня глаза. — С чего это ты такой добрый, Котовский-младший? — прошипела она. — Хочешь потом попрекать меня этим? Или папаше будешь докладывать о каждом моем шаге?

Я усмехнулся.

— Поверь, у меня есть дела поважнее, чем шпионить за тобой в хрущевке. Просто... скажем так, мне не улыбается завтра слушать рыдания твоей матери за завтраком. И вообще, ты сегодня Верещагина так приложила, что я даже... ну, оценил. Садись в машину. Поживешь там, а дальше посмотрим.

— Я не вернусь в ваш университет, — твердо сказала она, не двигаясь с места.

— Да плевать сейчас на университет. Решай проблемы по мере поступления. Сейчас твоя проблема — где переночевать и чем замазать лицо, чтобы завтра не пугать прохожих. Ну?

Она еще минуту сверлила меня взглядом, взвешивая все «за» и «против». Гордость против реальности. Реальность победила, когда порывистый ветер швырнул ей в лицо горсть ледяного дождя. Она рывком встала, подхватила рюкзак и молча направилась к машине.

Мы ехали через весь город. Сияющий центр остался позади, сменившись серым спальным районом. Я чувствовал, как в салоне нарастает напряжение.

— Вот здесь, — я затормозил у пятиэтажки, в которой даже домофон работал через раз. — Тихое жильё, как ты и просила. Никаких лилий, никакого парфюма. Только запах старого подъезда и вечные склоки соседей.

Я заглушил мотор и протянул ей связку ключей.

— Добро пожаловать во взрослую жизнь, Настён.

Она взяла ключи, и наши пальцы на мгновение соприкоснулись. Она быстро отдернула руку, но я успел заметить, как она дрожит. Не от холода — от страха и неизвестности.

— Спасибо, Матвей, — буркнула она, выходя из машины. — Но не надейся, что это что-то меняет между нами.

Я закрыл машину и пошел за ней к подъезду, ухмыляясь себе под нос.

— Даже не сомневался. Ты всё та же заноза в заднице, просто теперь — в отдельной упаковке.

В квартире пахло нафталином, старыми книгами и пылью, которая, кажется, копилась здесь еще со времен постройки этого дома. Я щелкнул выключателем. Желтый, тусклый свет озарил коридор с обшарпанными обоями.

— М-да, «люкс» не подвезли, — хмыкнул я, бросая ключи на тумбочку. — Проходи, не стесняйся. Тараканы, если и есть, то интеллигентные — бабушка была учителем литературы.

Настя зашла, не снимая рюкзака, и замерла посреди комнаты. Она выглядела здесь удивительно органично — такая же взъерошенная и «не отсюда», как эта мебель с полировкой. Это заставило меня слегка улыбнуться.

— Сядь, — я кивнул на старый диван, обтянутый потертым велюром. — У бабули в ванной должна быть аптечка. Если она не превратилась в химическое оружие за пять лет, мы попробуем спасти твоё лицо.

Я нашел аптечку — старую жестяную коробку из-под печенья. Перекись, вата, какой-то заветный тюбик мази и йод.

— Повернись ко мне, — присел на низкую табуретку напротив неё. Смочил ватку перекисью.

— Я сама, Матвей. Уходи, — буркнула она, но даже не повернулась.

— Ага, «сама». Опять воспользуешься методом «приложи дорожник и запей ядом»? Сиди уже.

— Будет щипать. Не вздумай меня укусить, — я осторожно коснулся раны на её губе. — Может скажешь, кто тебя так разукрасил?

Когда я коснулся её разбитой губы, она резко втянула воздух сквозь зубы и дернулась. Я невольно перехватил её за подбородок, чтобы зафиксировать голову. Кожа у неё была холодная, а дыхание — рваное.

— Зачем ты это делаешь? — тихо спросила она, когда я начал осторожно обрабатывать её скулу. В её глазах, обычно полных колючего вызова, сейчас плескалась какая-то детская растерянность. — Тебе же было весело. Ты же сам подначивал Дэна в универе.

Я замер, глядя на её отражение в темном оконном стекле.

— Весело, — честно признал я, приклеивая пластырь. — Смотреть, как ты бодаешься с системой, — это лучшее шоу за последние годы. Но одно дело — сарказм, и совсем другое

— когда мой отец выставляет тебя за дверь, как бракованный товар. Это... перебор даже для Котовских.

— Значит, Дэн был прав? Моя мать для твоего отца — просто удобная мебель? — её голос задрожал.

Я отложил ватку и посмотрел ей прямо в глаза. Расстояние между нами было всего сантиметров десять.

— Послушай, Настя. В этой жизни за всё надо платить. Твоя мать выбрала сытую жизнь, безопасность и мужа, который решит все её проблемы. Ценой стали вот такие «шуточки» золотых мальчиков вроде Дэна. Она знала, на что шла. А ты... ты решила, что можешь переиграть систему кулаками.

— Я защищала её честь! — вспыхнула она.

— И чего добилась? — я обвел рукой обшарпанную комнату. — Ты здесь, без денег, с разбитой рожей, почему то! А Дэн завтра будет пить латте в универе и ржать над тем, как «дикарка» вылетела на мороз. Твой жест ничего не изменил, Настя. Только сделал твою жизнь дерьмовее.

— А ты выбрал комфорт вместо совести.

Эти слова задели что-то внутри, о чем я старался не думать. Я резко встал, сгребая остатки аптечки в коробку.

— Возможно. Но зато я сплю на простынях с ниткой в 800 карат, а не в клоповнике. И мне не нужно извиняться перед подонками, потому что я умею с ними договариваться, а не бить их в челюсть на глазах у ректора.

— И ты так живешь? — прошептала она. — Просто принимаешь всё это дерьмо и улыбаешься?

— Я не улыбаюсь, Настя. Я играю. И знаешь что? Я тебе даже завидую. У тебя хватает дурачества верить, что удар в челюсть может что-то исправить. А я знаю, что удар в челюсть только повышает ставки в игре, которую ты всё равно проиграешь.

Я встал, убирая лекарства обратно в коробку. Напряжение в квартире стало почти осязаемым. И в этот момент, мне почему-то уходить отсюда не хотелось. Уже собирался захлопнуть жестяную коробку, когда Настя внезапно перехватила мою правую руку. Её пальцы, тонкие и все еще испачканные в подсохшей крови, мертвой хваткой вцепились в мое запястье.

— А это что? — она кивнула на мои костяшки.

Я попытался высвободить руку, но она держала крепко. На правой руке, прямо над суставами, красовались свежие, глубокие ссадины. Кожа была содрана, а вокруг уже начал разливаться характерный багровый отек. Типичный след от прямого удара в не очень мягкую челюсть Дэна.

— Это? — я усмехнулся, стараясь вернуть лицу маску безразличия. — Ну, скажем так, я сегодня был крайне неуклюжим. Запнулся о собственную гордость и случайно упал... прямо на лицо Дэна. Раза два или три.

Настя замерла. Её глаза расширились, и я почти физически почувствовал, как в её голове рушится образ «циничного Матвея», который только что читал ей лекции о морали и правилах игры.

— Ты ударил его? — прошептала она. — После всего, что ты мне сейчас наговорил? Про систему, про «умение договариваться»?

— Договариваться можно с людьми, Настя, — я все-таки выдернул руку и спрятал её в карман куртки. — А с мусором вроде Дэна, работает всё по-другому. И не надо на меня так смотреть. Это ничего не значит. Просто... он слишком громко ржал. Раздражало.

Я поправил воротник и направился к выходу, стараясь не оборачиваться. В этой пыльной хрущевке, где время замерло тридцать лет назад, вдруг стало слишком тесно. Воздух казался перенасыщенным чем-то, чему я еще не придумал названия.

— Всё, Настя. Лимит благородства на сегодня исчерпан, — бросил я уже из коридора. — Запри дверь на оба замка. И никому не открывай. Курьер будет завтра в десять.

Я вышел на лестничную клетку, и звук моих шагов гулко отозвался в пустом подъезде. На улице лил дождь, смывая глянец с капота моего «Порше». Я сел за руль, завел мотор и несколько секунд просто смотрел на свои разбитые костяшки.

«Идиот, — подумал я про себя. — Я ведь только что сам разрушил свою идеальную легенду стороннего наблюдателя. Теперь она знает, что под моим дорогим внешним видом, тоже есть „порох“. И это было самым опасным из всего, что произошло за этот вечер».

Глава 10

Настя...

Стук в дверь был властным и ритмичным. Я, спотыкаясь об углы в полумраке коридора, побрела открывать. В голове вертелось: «Курьер, наконец-то».

Я распахнула дверь, уже приготовив дежурное «спасибо», но слова застряли в горле. На пороге, прислонившись к дверному косяку с таким видом, будто он владеет всем этим оплеванным подъездом, стоял Матвей. В руках — тяжелые пакеты.

— Ты?! — я отшатнулась, едва не запутавшись в собственных ногах. — А где... где курьер?

— Уволен за нерасторопность, — бросил он, бесцеремонно отодвигая меня плечом и проходя внутрь. — Ты собираешься весь день стоять с открытым ртом? В него может влететь муха, а судя по запаху в этом подъезде, она будет не самой чистой.

Он прошел на кухню, скинул пакеты на стол и, к моему полному онемению, начал закатывать рукава своей явно баснословно дорогой рубашки.

— Что ты делаешь? — выдохнула я, наблюдая, как он достает из пакета упаковку бекона и яйца.

— Готовлю завтрак. В бабушкином холодильнике надежды нет — там, скорее всего, зародилась новая цивилизация плесени, — он чиркнул зажигалкой, зажигая конфорку. — Садись, Настя. Нам нужно поговорить о твоём будущем.

Аромат поджаривающегося мяса заполнил крошечную кухню. Это было безумие. Матвей Котовский, человек, который в университете скорее всего не всегда соизволит поздороваться, жарил мне глазунью в хрущевке.

— Ну и? — он поставил передо мной тарелку и сел напротив, внимательно разглядывая мое побитое лицо. — Какой у нас великий план по твоему спасению? Помимо того, чтобы прятаться здесь до пенсии?

Я впилась зубами в тост, стараясь не смотреть ему в глаза.

— Я найду работу. В кофейне, в библиотеке... Плевать где ещё. По средам и по субботам у меня тренировки в бойцовском клубе «Black box», ещё и там будут подрабатывать.

Матвей издал короткий, издевательский смешок.

— Бойцовский клуб? Так вот кто тебе лицо разукрасил. У тебя жизнь на кону, Настя, а ты решила, помечтать о боксе?

— Матвей! — мой голос чуть повысился в полупустой квартире. — Только давай, без твоих нравоучений! Я со своей жизнью как-нибудь разберусь, без министерства не твоих собачьих дел. — я со стуком поставила чашку. — И что ты предлагаешь, умник?

— В понедельник ты возвращаешься в университет. И извиняешься перед ректором, а потом перед родителями Верещагина и Волковой.

Я замерла, чувствуя, как внутри закипает ледяная ярость.

— Что ты сказал? Извиниться? Перед этими? Ты в своем уме?!

— Послушай меня! — он подался вперед, его голос стал жестким. — Дэн не остановится. Он будет уничтожать тебя, морально, пока ты одна. Твой единственный шанс — находиться рядом со мной. На виду у всех. Под моей защитой. Ты должна вернуться туда и утереть им всем нос. Заставить их смотреть, как ты, «изгой», пьешь кофе за одним столом с элитой. Это лучшая месть.

— Нет! — я вскочила, опрокинув табурет. — Я не буду перед ними унижаться! Никогда! Убирайся отсюда со своими планами! Ты такой же, как они, Матвей! Хочешь сделать из меня свою ручную собачку, чтобы забавляться? Вали отсюда!

— Дура! — Матвей тоже вскочил, его глаза потемнели от гнева. — Ты сдохнешь в первой же подворотне со своими принципами! Я из-за тебя Дэну по морде заехал и к твоему сведению, я для половины универа теперь тоже изгой!

Он резко вылетел из квартиры, с грохотом захлопнув дверь. Я осталась стоять посреди кухни, тяжело дыша. В глазах щипало от непролитых слез. Тишина хрущевки навалилась на меня, став еще более зловещей.

Прошла минута. Я уже собиралась запереть замок, как дверь внезапно распахнулась снова. Матвей стоял на пороге, тяжело дыша, его волосы были растрепаны. Он смотрел на меня с какой-то яростной убежденностью.

— Этот план будет работать, Настя, — сказал он тихим, но вибрирующим от напряжения голосом. — Не потому, что я так хочу. А потому, что ты — единственная, кто может заставить Дэна и всех остальных по-настоящему страдать, захлёбываясь собственной желчью. И я не дам тебе слить этот шанс в унитаз из-за твоей гордости. В понедельник в восемь я буду ждать у подъезда. Будь готова.

Он развернулся и ушел, на этот раз окончательно, оставив меня одну с остывающим завтраком и гудящими мыслями.

Понедельник. Восемь утра. Воздух во дворе хрущевки был таким холодным и колючим, что каждый вдох отзывался режью в легких. Я стояла у облупившейся железной двери подъезда, вцепившись в лямки рюкзака так сильно, что костяшки пальцев побелели. На мне были дорогие шмотки, которые Матвей привез вчера. Они сидели идеально, но я чувствовала себя в них не собой, а манекеном, которого нарядили для участия в какой-то извращенной театральной постановке. Синяк на скуле, заботливо замазанный плотным слоем тонального крема, все равно пульсировал, напоминая о реальности.

«Я иду на собственную казнь», — эта мысль билась в голове в такт шагам редких прохожих.

В это время здесь обычно ходят угрюмые люди, спешащие на завод или в метро. И когда во двор, мягко шурша шинами по разбитому асфальту, заплыл угольно-черный матовый «Порш» время будто остановилось. Машина выглядела здесь как хищник, забредший в загон к овцам.

Стекло медленно опустилось. Матвей сидел за рулем, в темных очках, несмотря на пасмурное утро. Его лицо было непроницаемым, как гранит.

— Садись, — бросил он, даже не повернув головы. — Мы опаздываем на первый акт твоей «искупительной» драмы.

Я открыла тяжелую дверь и нырнула в салон, пахнувший кожей и терпким парфюмом. Внутри было тепло, но меня продолжало трясти мелкой дрожью.

— Передумать еще можно? — прошептала я, глядя на то, как мы выезжаем со двора, оставляя позади мою временную крепость.

— Можно, — Матвей плавно переключил передачу. — Можешь выйти прямо сейчас, дойти до ближайшего отдела кадров «Пятерочки» и ждать, когда Дэн найдёт тебя за углом. Выбирай: либо ты сегодня склонишь голову, чтобы завтра откусить им руки, либо ты останешься гордой, но очень недолговечной мишенью.

Я молчала. Город за окном проносился серыми полосами. Университет приближался неумолимо.

— Настя, — он впервые за утро посмотрел на меня. — Вспомни, что я говорил. Сегодня ты играешь роль жертвы, чтобы завтра стать охотником.

Матвей на мгновение накрыл мою ладонь своей. Его рука была горячей и удивительно спокойной.

— Утри им всем нос своей покорностью.

Машина затормозила перед главными воротами университета. Там уже толпились студенты. Я увидела знакомые лица, и мое сердце пропустило удар. Все взгляды тут же обратились к машине. Они ждали шоу. И я была обязана его предоставить.

Глава 11

Матвей...

За тонированным стеклом расстился плац перед главным корпусом — сцена была готова, массовка в виде сотен студентов уже собралась, предвкушая шоу. Все ждали только одного: когда «изгнанница и дикарка» выйдет из машины Котовского.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.